

ГЛАВА I.

Чудачества Н—на; его дорогая игрушка.—Голландскій домикъ Брандта.—Странности Аракчеева.

Въ обыкновенной жизни чудакъ есть человекъ, отличающійся не характеромъ, не нравомъ, не понятіями, а страннымъ своихъ личныхъ привычекъ, образа жизни, прихотями, наружнымъ видомъ и проч. Онъ одѣвается, онъ ѣстъ и пьетъ, онъ ходитъ не такъ какъ другіе; онъ не характеръ, а исключеніе. Замѣчательно, что въ простомъ сословіи, близкомъ къ природѣ, рѣдко встрѣчаются чудаки; тамъ всѣ растутъ, воспитываются, чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ, какъ внушила имъ природа или примѣръ другихъ; но съ образованіемъ начинаются причуды, и чѣмъ оно выше у народа, тѣмъ чаще и разнообразнѣе являются чудаки. ,

Въ старину, даже не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, было гораздо болѣе людей странныхъ, съ рѣзкими особенностями, оригиналовъ

и чудаковъ всякаго рода, чѣмъ теперь. Такое явленіе понятно: причудливость есть слѣдствіе произвольности въ жизни, и чѣмъ болѣе произвольность господствуетъ въ нестройномъ еще обществѣ, тѣмъ болѣе она порождаетъ личныхъ аномалій.

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія весь интеллигентный міръ въ Петербургѣ и Москвѣ былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ симпатичнымъ гвардейскимъ офицеромъ-измайловцемъ П. В. Н—мъ. Своеобразный умъ послѣдняго, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко цѣнились всѣми тогдашними нашими писателями; какъ Пушкинъ, такъ и Гоголь были его друзья. Н—нъ воспитывался вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицѣѣ. Несмотря на то, что Н—нъ прожилъ на своемъ вѣку не одну тысячу душъ и спустилъ на разныя затѣи цѣлый рядъ наслѣдствъ, Пушкинъ высоко цѣнилъ его житейскую опытность и любилъ слѣдовать его совѣтамъ. По его разсказу онъ написалъ «Дубровскаго», котораго самъ видѣлъ Н—нъ въ острогѣ одного бѣлорусскаго города; герой повѣсти небогатый дворянинъ былъ доведенъ до нищеты богатымъ своимъ сосѣдомъ; по просьбѣ Пушкина Н—нъ написалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства и разсказовъ о своихъ предкахъ. Н—нъ не разъ выручалъ въ трудныя минуты поэта. Существуетъ преданіе, какъ послѣ

смерти Пушкина Н—нъ съ Вяземскимъ и еще съ кѣмъ-то раздѣлили послѣднія деньги, нашедшіяся у него въ бумажникѣ, съ клятвою ихъ хранить навсегда, въ знакъ памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которыхъ они написали годъ, день, число и часть его смерти. Интересно, уцѣлѣли ли эти бумажки. Н—ну Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второй части своихъ «Мертвыхъ душъ». Извѣстный петербургскій откупщикъ, миліонеръ Бенардаки, близкій къ Гоголю, предлагалъ Н—ну, когда его дѣла приняли тутой оборотъ, принять у него мѣсто воспитателя его дѣтей.

Н—нъ былъ человѣкъ очень добрый; онъ пролъ на своемъ вѣку нѣсколько состояній; судьба чти до послѣдней минуты баловала его. Случа что у него въ домѣ не было копѣйки и топилъ каминъ мебелью — и вдругъ новое атое наслѣдство валилось ему съ неба. Н—нъ, балованный богатой матерью, почти съ юноескихъ лѣтъ предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всемъ готовомъ въ домѣ родительницы, онъ нанималъ бель-этажъ одного большого барскаго дома на Фонтанкѣ, для своихъ друзей. Сюда онъ пріѣзжалъ ночевать съ ночныхъ игръ и кутежей и сюда же каждый изъ знакомыхъ его могъ явиться на ночлегъ, не только одинъ или самъ-другъ, но могъ приводить и пріятелей, вовсе незнакомыхъ хозяину, и одинокихъ

и попарно. Многочисленная прислуга, подъ управленіемъ карлика «Карлы-головастика», обязана была для всѣхъ раскладывать по полу матрацы со всѣми принадлежностями приличной постели, парнымъ—въ маленькихъ кабинетахъ, а холостякамъ—въ большихъ комнатахъ, въ повалку на полу. Самъ хозяинъ, являсь ночью, спрашивалъ только, много ли ночлежниковъ. Утромъ всѣ званы были явиться къ кофе и чаю. Случалось, что въ торжественные дни рожденія его, герцогская молодежь съ красотками, послѣ вѣдлѣннаго завтрака или обѣда, сажали въ четверомѣстную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкаго съ кучей разряженныхъ дѣвицъ, а сами, снявъ мундиры, въ однихъ рѣзакъ и рубашкахъ, засѣвъ на мѣсто кучера и форейтора и ставъ на запяткахъ, вмѣсто лакеевъ, — летѣли во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всѣмъ лучшимъ улицамъ! Конечно, все это могло совершаться въ началѣ 20-хъ годовъ, а въ 30-хъ объ этомъ времени вспоминали только съ сожалѣніемъ.

Такъ въ періодъ буйной и безумной молодости Н—на деньги были ему ни почемъ: онъ удивлялъ многихъ обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались всѣ какъ русскіе, такъ и французскіе актеры. Умный и образованный че-

ловѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ деньги, покровительствуя художникамъ и артистамъ; онъ любилъ жить и давалъ другимъ жить. Залы у него были полны произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ было болѣе сотни, онъ ихъ раздаривалъ знакомымъ, какъ теперь дарятъ фотографическія карточки; всѣ его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза: фарфоръ, бронзу, бриліанты и бирюзу, которую считалъ за амулетъ. Въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій воковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ей горничной малую цѣну и обдѣлалъ въ золотой футляръ, который вскорѣ и подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Н—нъ одно время былъ страстно влюбленъ въ эту актрису и, чтобы вылечить отъ безумной страсти, придумалъ слѣдующую хитрую штуку. Онъ нарядился въ женскій нарядъ и прожилъ у артистки въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетомъ къ его «Домику въ Коломнѣ». Щедрость Н—на къ артистамъ доходила до того, что известному Вьетану онъ подарилъ скрипку, съ которою знаменитый артистъ объѣхалъ всю Европу. Подобныя дорогія причуды, да вдобавокъ карточная

игра, въ которой онъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, въ 30-хъ годахъ сильно поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкой, извѣстной въ то время въ Москвѣ красавицей Ольгой Андреевной, дочерью «Стеши», прозванной Каталани. Въ то время любовь къ цыганкѣ была самая раззорительная, пѣсни черноокихъ красавицъ разнѣживали и одурѣвали всѣхъ кутящихся богачей. На вечерахъ гитара такой цыганки наполнялась по нѣскольку разъ золотомъ и асигнаціями, и много разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія носили названіе «угольковыхъ» и многимъ опустошали карманы. Н—на для цыганки держалъ экипажи съ парой вятковъ и шведокъ; за нее онъ далъ крупный выкупъ хору; у нея собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заѣзжалъ и Пушкинъ слушать цыганскія пѣсни. Постояннымъ гостемъ ея былъ и извѣстный князь Гагаринъ, тоже чудакъ большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; онъ былъ бретеръ и храбрецъ, выигравшій въ 1812 году у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чая. И доставилъ, и только по благосклонности императора благополучно возвратился въ русскій лагерь. У Н—на отъ цыганки былъ сынъ, дворняшка, ненавидѣв-

тій комнаты. Находя въ мальчикѣ сходство съ квартальнымъ надзирателемъ ихъ квартала, онъ велѣлъ портному сшить на мальчика полный мундиръ квартальнаго того времени, заказавъ и треугольную шляпу, и оправдывался въ этой продолѣлкѣ, говоря: «вѣдь наряжаютъ же дѣтей гусарами, черкесами, казаками, почему же мнѣ не нарядить его квартальнымъ, когда я такъ уважаю полицію».

Однажды у цыганки Н—нъ проигралъ все, что у него было—часы, столовое серебро, наконецъ, карету съ лошадьми и даже Оленькины сани съ парой вятковъ. Выигравшій, захвативъ серебро, вещи и въ выигрышной каретѣ еще темнымъ утромъ поѣхалъ домой, приказавъ сани съ вятками отправить за нимъ. Н—нъ добродушно посмѣивался надъ подобной акуратностью игрока. Цыганка, узнавъ утромъ объ исчезновеніи вятковъ, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится къ ней, и, дѣйствительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь къ цыганкѣ Н—на послужила Куликову сюжетомъ для его водевиля «Цыганка». Н—нъ самъ рассказывалъ, что, сидя въ театрѣ, онъ видѣлъ на сценѣ себя и свою сожительницу. (Отъ этой цыганки онъ освободился тѣмъ, что, оставивъ ей весь свой домъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ хорошей суммой денегъ въ шкатулкѣ, самъ тайкомъ уѣхалъ въ подмосковную, къ пріятелю, гдѣ

перевѣнчался на своей однофамилицѣ и поселился на нѣкоторое время въ Тулѣ.¹

Н—нѣ, какъ мы замѣтили, любилъ хорошо покушать и также кормить своихъ гостей почти насильно. Обѣды заказывать и говорить про кушанья онъ былъ большой охотникъ. За столомъ у себя онъ подчивалъ гостей до упаду, ежеминутно вскакивалъ и кричалъ на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся, и если это было неуспѣшно, то самъ упрашивалъ не хуже извѣстнаго крыловскаго Демьяна. Не возьметъ гость—онъ считалъ большой обидой. Рѣдкій изъ его гостей выходилъ у него изъ-за стола не упитавшись такъ, что еле несли ноги. На обѣды онъ приглашалъ за нѣсколько дней, а въ день обѣда присылалъ дворецкаго напоминать, чтобы не забыли. У него нерѣдко подавали на столъ паплетъ, при вскрытіи котораго выходилъ карликъ, держа въ одной рукѣ паплетъ уже съѣдобный, а въ другой рукѣ—букетъ съ цвѣтами.

Существуетъ преданіе, что Петръ Петровичъ Пѣтухъ списанъ Гоголемъ съ Н—на.

По смерти Пушкина, Н—нѣ переѣхалъ жить въ Москву, тутъ уже пошла не радужная сторона его жизни, но онъ не унывалъ и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, и продолжалъ мотать

, ссужая встрѣчнаго и поперечнаго. Иногда, критическія минуты, ему вдругъ падали наслѣдства отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старый картонный должокъ и т. д. Но всѣ эти неожиданности скоро исчезали. Своей роскошной жизни онъ не покидалъ и понемногу сталъ распродавать свои богатая коллекціи: монеты, картины, фарфоръ, бронзу и т. д. Между замѣчательными рѣдкостями, находившимися въ его квартирѣ, былъ одинъ двухъ-этажный стеклянный домикъ аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были имъ заказаны за границей въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ рублей, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домикъ этотъ былъ потомъ заложенъ и перезаложенъ въ Москвѣ за двѣнадцать или тринадцать тысячъ и теперь неизвѣстно у кого находится какъ рѣдкая, трудно сбываемая игрушка. Домикъ былъ продолговатый, правильный четырехугольникъ, обрамленный богемскими зеркальными стеклами и образовывалъ два отдѣленія, верхнее и нижнее. Въ верхнемъ помещалась сплошная танцевальная зала со столомъ по срединѣ, сервированнымъ на шестьдесятъ кувертовъ. По четыремъ угламъ залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовыхъ подстояхъ, на потолкѣ, вытѣпленномъ

въ мавританскомъ стилѣ, висѣли три серебряныя люстры, каждая по пятидесяти свѣчей, въ одру углу стоялъ рояль, въ другомъ арфа, перья работы Вирта, вторая—Эрара, на первомъ владѣльца играла небольшія пьесы, треща для ударовъ по клавишамъ вязали спицы. Въ залѣ помѣщались ломберные столы съ картами, были даже щеточки и мелки для точной игры. Вся зала была украшена тропическими растеніями, такъ искусно сдѣланными Парижъ, что, казалось, эти растенія были живы. Нижній этажъ представлялъ жилые покои и былъ наполненъ всѣмъ, что только требовалось; какого-нибудь царственнаго жилища. Заказы эту игрушку и долго обдумывая ее, онъ не забылъ ни малѣйшей бездѣлицы богатаго дома няго быта.

Въ этихъ жилыхъ покояхъ, стѣны которыхъ были то мраморныя, то покрытыя разноцвѣтнымъ штофомъ, были и микроскопическія картины, писанныя масляными красками, и пианино и ноты, и полная миниатюрная библіотека и цѣлый арсеналъ оружія, ящикъ съ пистолетами Лепаж, ситары, биліардъ и т. д. И всѣ эти лилипутныя вещи, серебряныя столовыя тарелки и блюда, сдѣланныя отдѣльно, замѣчательными художниками, должны имъ были стоить большого труда и терпѣнія, начиная отъ рояли, фортепіано, до библіотеки; для печатанія только однихъ заглавій